

УДК 321.01; 323

DOI: 10.17223/1998863X/61/26

А.И. Соловьев

КОНФЛИКТНЫЕ ГРАНИ КУЛЬТУРНОГО ПОЛЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Практикуемое правящим режимом привилегированное распределение общественных благ и ресурсов формирует новые источники культурной антитезы как ценностям демократии, так и нормам официального институализма. Одновременно в рамках традиционалистской субкультуры активизируются антропные механизмы этологического подчинения власти, разрушающие ее гуманистические основания. Эти тенденции подрывают целостность социума и общественную солидарность, обостряют конфликты в культурном поле политики и усиливают нелинейный характер будущего развития российского государства.

Ключевые слова: политическая культура, правящий режим, принятие государственных решений, демократия, механизмы этологического подчинения власти, общественная солидарность

Постсоветский генезис поля политики

Как известно, состояние массовой политической культуры позволяет надежно судить о потенциале и траекториях развития политического порядка. Особенно в условиях кризиса. Будучи весьма рутинным образованием, она формирует партийно-политические пристрастия людей, идентификационные модели, степень лояльности к действующим институтам, характер поддержки или оспаривания государственных решений и другие смыслозначимые интенции, покоящиеся на фундаменте ценностных ориентаций и верований, задающих понимание общественного и индивидуального опыта, прав и возможностей в сфере власти. Соотнесенные с течением всей человеческой жизнедеятельности, эти приоритетные для индивида «референтные рамки действий» (Т. Парсонс) и формируют тот внутренний ориентационно-деятельный каркас, который не меняется подчас даже под влиянием важных для его жизни событий.

Неудивительно поэтому, что, несмотря на мощные постсоветские трансформации, массовая политическая культура сохранила как свою внутреннюю интерференцию, так и основные разрывы между традиционалистскими (с их властелцентричностью, resentmentом, чванливой имперскостью, мессианством и склонностью к агрессивным формам защиты собственной «правды») [1. С. 21] и демократическими субкультурами, утверждающими приоритеты свободы и прав человека (см: [2–7]). На этом фоне подвижные состояния массового сознания (оценки реальной политики, запросы на перемены, проявления лояльности властям или же чувства стыда за проводимую ими поли-

тику и т.д.)¹ не только сохраняют неоднозначную корреляцию с политическим участием, но и оказываются неспособными изменить конфигурацию ценностных установок человека.

Однако несмотря на внутреннюю пластичность сочетания глубинных смыслов с обусловленными контекстом формами поведения, политическая культура сохраняет все возможности для саморазвития. Как свидетельствует ряд научных подходов (социокультурного институционализма, антропной гносеологии, биополитики и др.), поиск смыслов и выработка ценностных ориентиров в сфере политики (а равно и рекомбинация культурных параметров), прежде всего, обретают ту или иную динамику под влиянием властной (организационной) среды и характера политических коммуникаций, непосредственно обуславливающих выполняемые людьми функционально-ролевые нагрузки.

С этой точки зрения последние полтора десятилетия стали мощным импульсом порождения новых конфликтов и тенденций в культурном поле политики. Причем, как представляется, важнейшим источником культурных трансформаций стали конструкции правящего режима и, прежде всего, конституализация закрытой зоны принятия ключевых государственных решений, влияющих на «ход событий» и основные траектории общественного развития [8]. Наследуя ряд привычных для элитарных слоев тенденций (в том числе использование неформальных коммуникаций, которые так или иначе «противостоят государственному управлению» [9]), сетевые коалиции правящего класса в первое десятилетие нулевых окончательно сформировали локальную политико-административную структуру, использующую прерогативы и символы государства в целях распределения (перераспределения) общественных благ в интересах коррумпированных чиновников, политиков и аффилированных с властью крупных бизнесменов.

Перестроив основные финансово-экономические потоки (породившие беспрецедентную в истории страны социальную дифференциацию) и последовательно колонизировав публичные институты, сетевые коалиции не только изменили функционал последних (сведя их основные задачи к снижению транзакционных издержек распределительной политики и охране доминирующих сетей), но и вытеснили на периферию все формы гражданского контроля, лишив партии, гражданские структуры и механизмы онлайн-делиберации возможностей фактического влияния (оспаривания) на цели правительства. Став основным средством распределения общественных благ, межсетевые коммуникации правящей элиты (превратившей желания бенефициаров в императив политической целесообразности) оставили за разделением властей, самостоятельностью публичных институтов и особой ролью судебных органов лишь символические очертания. Даже представительные органы оказались встроенными в новые порядки, превратившись (вместе с системной оппозицией) в инструмент дополнительного давления власти на общество и продвижения интересов сетевых сообществ.

Одним словом, закрытая от общества (и даже многих административных органов) зона принятия ключевых решений, по сути, превратилась в механизм *отчуждения* общественных ресурсов в пользу узкого круга привилеги-

¹ См. например: <https://www.newsru.com/blog/28dec2020/isterika.html>;
<https://www.inopressa.ru/article/28dec2020/wsj/putinnewyear.html> и др.

рованных группировок. Основным источником воспроизводства этого властно-распорядительного механизма были и остаются личные интересы доминирующей группы лиц, которые не хотят делиться с абстрактным «обществом» никакими ресурсами. И хотя СМИ пестрят материалами об умопомрачительной собственности политиков, чиновников и предпринимателей, работающих с государственными активами, у властей и судебных органов отсутствует воля для разбирательства этих фактов.

Существенным инструментом укрепления политического порядка, оказывающим влияние на все общество, является и информационная активность властей. Поддерживая имидж государства, сопереживающего проблемам населения, власти применяют разнообразные «контрриторические стратегии», направленные на умиротворение общества, отвлечение граждан от принципиальных вопросов социального развития, что в итоге снимает запрос общества на прозрачность политики, честность и справедливость правления [10]. Параллельно действуют и мощные пропагандистские центры, уверяя граждан в их непоколебимом суверенитете, но при этом дискредитируя несогласных, распространяя фальшивые ценности и используя фейки в целях «очернения оппонентов» и стремления «убедить... граждан в... необходимости следовать обозначенному... курсу» [11. С. 21]. Как полагает С. Холмс, для такой правящей элиты общество утратило статус доверяющей и контролирующей ее силы, в результате чего власть не управляет обществом, а просто игнорирует его запросы, занимаясь перераспределением благ в своих интересах [12].

Культурные следствия режимных трансформаций в российском обществе

Основные проявления сетевого механизма правления (институциональная коррупция, нарушение принципов социальной справедливости, избирательное правоприменение, ужесточение регулирования общественно-политической активности населения, сокращение прав граждан, ограничения общественных расследований злоупотреблений властью и т.д.) существенно изменили политико-организационную среду формирования культурных конструкций¹. Ряд ученых связывает это с «исчерпанием» общественного договора, (предполагающего «обмен экономической и политической стабильности на монопольное право властей на управление»), заключенного с властью в начале нулевых [14. С. 103]. Однако протестные акции 2011–2021 гг. показали, что катализаторами общественного напряжения становятся и реакция населения на недопредставленность интересов, потребность людей в граж-

¹ Показательно, что в исследованиях византийской культуры обнаруживается целый ряд черт политических порядков, отблески которых можно обнаружить и в нынешней политической системе России (например, жестко централизованную систему принудительного регулирования, при которой правящий класс объединяла лишь «императорская персона», а наибольшим влиянием обладали «ближайшие», т.е. «высшие чиновники», ответственные не перед законом, а перед императором; «взятничество», которое превратилось в норму «поведения... чиновников», а «господин и судья, богач и бедняк несли разные наказания за одни и те же преступления»; «неограниченное право» первых лиц «по отношению к каждому отдельному подданному» и где культ императора (являвшегося не только верховным судьей, но и высшим «законодателем, ...воплощенным законом») превращался в элемент «государственной религии», а его «коронация автоматически смывала все грехи...» и др.). [13. С. 12; 106; 107; 110; 123].

данском самоуважении, критическое отношение к несменяемости власти и праву последней самостоятельно проводить границу между законом и беззаконием. В таких условиях люди все больше убеждаются в том, что их жизнь становится похожа «на игру... в которой один из игроков... ведет себя, не раскрывая... карт», и потому «ненадежность становится перманентной», а жизнь в обществе «все меньше воспринимается как связанная... законами и соблюдающая законы» [15. С. 148].

Однако пренебрежение властями правами «бесполезной общественности» и незаинтересованность в поиске общественного консенсуса порождают неоднозначную реакцию населения, способствуя дальнейшей поляризации массовой политической культуры. Так, среди той части населения, которая выработала устойчивые антитела к демократическим ценностям и искренне считает, что «от нас ничего не зависит», нарастают пассивность, чувства «терпения-пережидания», «выживания», «непротivления» [16. С. 123], разрастаются формы «терпеливого неравенства» [17. С. 60].

Однако под давлением «социально дозволенного» в этой культурной среде не только разрастается покорное восприятие «русской доли» с ее «гипертрофированным адаптивно-интеграционным началом», снижающим потребность людей в просвещении, индивидуальности, ответственности и гражданском самоуважении [18. С. 73]. Заметно актуализируются и действующие, помимо культурных норм, защитные механизмы социального существования человека – страх, агрессия и другие чувства, включающие механизмы прямого эволюционного подчинения и актуализирующие биологически заданные зависимости от центров доминирования. Иначе говоря, влияние «дисциплинирующей» среды разрывает внутреннюю «сцепленность» гуманистических, ментальных и витальных механизмов культуры, изменяя профиль ориентационных структур человека и создавая у него новые биосоциальные мотивационные ансамбли [19. С. 62].

По сути, «обучение» социума властной средой запускает в культурном пространстве традиционализма инверсионные механизмы, меняющие ментальные фильтры и систему кодирования общественного опыта человека в сторону уменьшения «родственного альтруизма», его внутренней кооперации с другими и усиления вовне направленной конкуренции (по отношению к носителям «другой» правды), свидетельствуя, таким образом, о его переходе на более автономные жизненные стратегии, сохраняющие приоритет врожденных форм активности [20. С. 16–17]. Эта редукция к биологическим основаниям защиты организма и увеличение витальных смыслов культурной активности не только сводят «суверенитет индивида до оснований его биологического существования» [20. С. 18] или модифицируют его идентификационные модели и поведенческие паттерны, но и трансформируют моральные ценности и даже травмируют рефлексивные механизмы (выдвигая на первый план – вместо соотнесения причин и следствий, индивидуального и коллективного опыта, рациональной интерпретации фактов – беспочвенные иллюзии и надежды).

Характерно, что такие культурные трансформации касаются и значительной части чиновников, которые будучи в большей степени приближены к центрам сетевого давления действуют уже не как «опосредующие власти» или «промежуточные тела» между государством и обществом (Ш. Мон-

теске), а как группы, придерживающиеся «кодекса товарищества» и законов делового «братства», направляющих свою активность против «чужаков» и «конкурентов» [21. С. 93]. Руководствуясь биореакциями для защиты своих позиций (в виде формализма, угодничества, недоброжелательства, тщеславия, зависти и др.), они неизбежно отодвигают на второй план цели профессионального и продуктивного госрегулирования.

Одним словом, элитарные и массовые последствия дисциплинарного конструирования «биосоциальных» образований культурной активности не только оборачиваются разноликими формами «безответственного» правления. Можно видеть, как немалое число людей подделывает избирательные бюллетени, прикрывает лиц, совершивших противоправные поступки или нарушающих воинскую присягу; лжесвидетельствуют на политизированных судебных процессах; покорно позволяют «свозить» себя на проплаченные митинги и пассивно взирают на необоснованное насилие над мирно протестующими гражданами; сознательно распространяют фейки и дезинформацию и т.д. Такие факты свидетельствуют о результатах систематического растления людей, которым сетевые коалиции внушают нормы гражданской пассивности, преданности «своим» и циничного отношения к окружающим. В силу этого установка на самосохранение (вперемешку со страхом) на глазах превращается в фундаментальную ценность людей, отказывающихся и от своей индивидуальности, и от гуманистических норм и принципов жизнедеятельности в сложно организованном обществе.

Понятно, однако, что сетевая нормативистика провоцирует и иные изменения в культурном теле политики, отражающие актуализацию демократических ценностей и рост гражданской активности. Прежде всего, это заметно на примере самодостаточных групп граждан [22] и особенно молодежи¹, стремящихся, опираясь на собственные силы, защищать свое личное жизненное пространство от вмешательства государства. Активно используя инструменты «онлайн-солидарности» [23] и другие возможности публичного пространства, формирующие взаимные коммуникации помимо государства [24], эти группы населения демонстрируют потребность в активизации политической рефлексии и несогласии (что, впрочем, не исключает формирования различных контркультурных сообществ).

В результате общество сталкивается не с идейно-политическим разломом (сторонников либеральных, социалистических, национальных и прочих привязанностей или же ориентирами истеблишмента и основной массы населения), а с конфликтом субкультур, противостоящих друг другу в понимании более глубинных ценностей человеческой жизни. Покорности «русской доли» противостоит убежденность людей, отвергающих лекала властечетрич-

¹ Впрочем, надо иметь в виду, что эта активность обусловлена не только позициями той части молодежи, которая искренне впитала принципы свободы и демократии, но и ее универсальному стремлению выйти за рамки существующих (институциональных и организационных) ограничений с целью изменения различных параметров системы власти или же воспрепятствования различным изменениям в политических системах, в организации, обществе, культуре и даже в мировом сообществе, в которое она интегрирована [24]. К сожалению, власти слабо учитывают данный аспект, прочитывая активность молодежи лишь с точки зрения ее оппозиционного содержания. К примеру, бывший телеведущий, а ныне пресс-секретарь Роснефти М. Леонтьев считает, что в ближайшее время «Мы (государство. – А.С.) столкнемся с необходимостью лишить молодежь избирательных прав... Потому что иначе мы потеряем страну» [25].

ного общества и ориентированных на траектории самореализации, политически свободной жизнедеятельности. Так что если на рубеже веков социологи фиксировали наличие немалого числа людей, которые, чтобы «выжить... будут готовы адаптироваться к любому режиму и любой его перемене», то для новых поколений максима «жить трудно, но терпеть можно» показывает свои принципиальные ограничения [25. С. 174]. В этом смысле конфликт ценностей не желающих отказываться от своих прав поколений с ментальными конструкциями традиционалистского толка (соскальзывающими к антропным нормам жизнедеятельности) одновременно усугубляет разрыв между полюсами культурного поля и создает предпосылки для вытеснения гуманистических принципов за рамки политического пространства.

Неочевидные прогнозы

Чем и когда закончится спор несовместимых «культурных объектов», покажет жизнь. Пока же нарастающая между ними конфронтация провоцирует разрушение внутренней кооперации общества, тот «разрыв» социальной ткани (У. Бек), который разрушает общегражданскую солидарность, тот сакральный центр отечественной культуры и бытования, то «неразложимое единство» «мы», из которого вырастает «я» каждого россиянина [26. С. 159]. Причем попытки властей сплотить общество на фундаменте «национальной идеи» с использованием «образа (внешнего. – С.А.) врага» исключает позитивный потенциал для поддержания должного единства общества [27].

Поскольку в настоящее время не видно факторов, способных существенно изменить сложившийся стиль сетевого правления и принципы императивной координации, думается, в ближайшем будущем не стоит ожидать снижения в правящих кругах «безответственного» индивидуализма или покоящегося на принудительной лояльности «морального безразличия» людей и, как следствие, вытеснения из общественной жизни «публично-правовых отношений» [13. С. 122, 124]. Даже массовая депривация, обусловленная социально-экономическими проблемами, предопределяя известный уровень внутренней напряженности, скорее всего не будет иметь значимого для власти политического выхлопа.

Одним словом, сегодня «связанная с властью действительность», как и в прошлое историческое время, не расширяет демократические возможности и не создает «благоприятные условия для развития духовности человека» [28. С. 171]. И к этой оценке нельзя относиться как к абстрактной прокламации. Уместно вспомнить, что Т. Манн в разгар националистического угара в Германии писал, что немецкий народ пал жертвой «тотальной государственности» и «антидемократического отношения к политической и социальной сфере» в силу «высокомерного отношения к демократии» и «презрения к свободе», которая, сохранив в обществе «гибельный для культуры пробел», лишила его «гражданской и нравственной свободы» (цит. по: [29. С. 6–8]). К слову сказать, и сегодня европейские политики полагают, что к демократическим ценностям российские власти относятся как к «экзистенциальной угрозе» (Ж. Боррель).

Одним словом, сетевой характер применения власти, приучая людей к необходимости опираться на неформальные принципы предлагаемого порядка (причем даже там, где «сетевое влияние слабо, а ресурсы общедоступны»

[30. Р. 67]), формирует новые источники культурной антитезы не только принципам демократии и гуманистическим нормам, но и официальному институализму. Как итог – расширение пространства навязанного консенсуса, чреватого разрастанием напряженности и паттернов отчужденной культуры гражданственности. Однако в цифровом обществе не может повториться «кухонная» фронда советской эпохи. Так что культурные конфликты могут стать триггером политических испытаний.

Литература

1. Красиков С.А. Традиции в условиях нелинейного развития: фактор политического риска // Социология власти. М. : РАГС, 2008. № 5. С. 13–25.
2. Свобода. Неравенство. Братство. Социологический портрет современной России / под общ. ред. М.К. Горшкова. М. : ИСПАН, 2007. 414 с.
3. Готово российское общество к модернизации / под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, Н. Тихоновой, М. : Весь мир, 2010. 344 с.
4. Глухова А.В. Постижение непостижимого (российская политика 2000-х годов в контексте глобальных и региональных процессов). Воронеж : ИСТОКИ, 2014. 411 с
5. Латов Ю.В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социс. 2019. № 2. С. 15–28.
6. Протестное движение в России в конце 2011 / Аналитический отчет Левада-центра. М., 2012. URL: <https://www.levada.ru/2012/11/18/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg-2012/>
7. Опрос Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ «Россияне в условиях пандемии: от кризиса и тревоги к настроениям „мирного“ времени» (2020). URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/399724982.html>
8. Zahariadis N. Setting the agenda on agenda setting: definitions, concepts and controversies // Handbook of Public Policy Agenda Setting / ed. by N. Zahariadis. Department of International Studies, Rhodes College, USA, Handbook of research on Public Policy, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2016. P. 1–24.
9. Silke A., Kreisi H. The Network Approach // Theories of the Policy Process / ed. by P.A. Sabatier. Boulder : Westview Press. 2nd ed. 2007. P. 129–154.
10. Ibarra P.R., Kitsuse J.I. Claims-making discourse and vernacular resources // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems / ed. by G. Miller, J.A. Holstein. Hawthorne, N.Y. : Aldine de Gruyter. 2003. P. 17–50;
11. Распопова С.С., Боздан Е.Н. Фейковые новости. М. : Аспект пресс, 2018. 112 с.
12. Holmes S. What Russia teaches us now: How weak states threaten freedom // The structure of the Soviet Union. Essays and documents / ed. by R.G. Suny. New York ; Oxford, 2003. P. 564–573.
13. Каждан А.П. Византийская культура. СПб. : Алетейя, 2006. 280 с.
14. Петухов В.В. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. 2020. № 6. С. 103–118.
15. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. 148 с.
16. Яницкий О. Социология риска. М. : РАГС, 2003. 191 с.
17. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
18. Глебова И.И. Ранний постсоветизм в политико-историческом контексте. М. : ИНИОН, 2006. 259 с.
19. Олескин А.В. Биополитика. М. : МГУ, 2001. 423 с.
20. Алексеенкова Е.С. О когнитивной природе власти (или о том, как соотносятся власть и демократия) // Полития. № 4 (43). Зима 2006–2007. С. 6–21.
21. Бочаров В.В. Российская власть в политико-антропологической перспективе // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 92–103.
22. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53.
23. Юдина Е.Н., Алексеенко И.В. Солидарность в социальных сетях // Коммуникология. 2020. Т. 8, № 1. С. 114–127.
24. Сауткина В.А. Общественный запрос общества на солидарность: историческая ретроспектива и современная реальность // Южно-Российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 2. С. 70–85.

25. *Левада Ю.* От мнений к пониманию (социологические очерки 1993–2000 гг.). М. : Издатель Карпов, 2011. 506 с.
26. *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб., 1996. 736 с.
27. *Селезнева А.В.* Ценностные основания национально-государственной идентичности // Вестник российской нации. 2017. № 4. С. 82–94.
28. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. Мюнхен, 1962. 267 с.
29. *Пивоваров Ю.С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М. : РОССПЭН, 2006. 167 с.
30. *Ledeneva A.V.* Can Russia Modernise ? Sistema, Pover Networks and Informal Governance. Cambridge University Press, 2013. 314 p.

Alexander I. Solovyev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: solovyev@spa.msu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 263–271.

DOI: 10.17223/1998863X/61/26

CONFLICT FACETS OF THE CULTURAL FIELD OF RUSSIAN POLITICS

Keywords: political culture; ruling regime; state decision-making; democracy; mechanisms of ethological subordination to power; public solidarity

The article reveals the relevant features of the Russian society's mass political culture dynamics. In this context, it is shown that, being an ordinary phenomenon, political culture transforms its value-oriented structures only under the influence of basic political transformations which determine the society's immediate environment. The restricted area of public administration, related to key policy decisions and dominated by interests affiliated with the government of the beneficiaries and corrupt practices, is considered to be the main factor shaping the social order and the organizational and political environment of the Russian population. Having become the most important means of resource allocation, network communications (supported by informational and symbolic means) have a systematic impact on the inhabitants of the country, trying to accustom people to informal methods of mastering public resources and to a cynical attitude to public requests. The proposed sociopolitical orders reinforce the basic value-orientation fractures of political culture. On the one hand, this contributes to the expansion of traditionalist, power-centric identification models that strengthen feelings of "patient inequality" and constantly slip to anthropic (activating fear, aggression, etc.) orientation mechanisms. These mechanisms evoke direct ethological subordination and biologically determined dependence on the centers of dominance. In the state bureaucracy, these mental changes give rise to many forms of irresponsible governance. On the other hand, the "disciplining" pressure of elite networks provokes an increase in the activity of young people and civil activists who are guided by the values of democracy and the priorities of human rights. As a result, the norms of network governance that corrupt people's consciousness and claim to be universal form new sources of cultural antithesis not only to the principles of democracy and humanism, but also to official institutionalism. As a result, social solidarity is declining in Russian society and the space of imposed consensus is expanding, which may lead to the growing tensions and patterns of an alienated civic culture.

References

1. Krasikov, S.A. (2008) Traditsii v usloviyakh nelineynogo razvitiya: faktor politicheskogo riska [Traditions in conditions of nonlinear development: the factor of political risk]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 5. pp. 13–25.
2. Gorshkov, M.K. (ed.) (2007) *Svoboda. Neravenstvo. Bratstvo. Sotsiologicheskii portret sovremennoy Rossii* [Freedom. Inequality. Brotherhood. Sociological portrait of modern Russia]. Moscow: IS RAS.
3. Gorshkov, M., Krumm, R. & Tikhonov, N. (2010) *Gotovo rossiyskoe obshchestvo k modernizatsii* [Russian society is ready for modernization]. Moscow: Ves' mir.
4. Glukhova, A.V. (2014) *Postizhenie nepostizhimogo (rossiyskaya politika 2000-kh godov v kontekste global'nykh i regional'nykh protsessov)* [Comprehension of the incomprehensible (Russian politics of the 2000s in the context of global and regional processes)]. Voronezh: ISTOKI.
5. Latov, Yu.V. (2019) Ideologicheskie vektory i skalyary deystviy stornnikov peremen [Ideological vectors and scalars of actions of supporters of change]. *So-tsis – Sociological Studies*. 2. pp. 15–28.

6. Levada. (2012) *Protestnoe dvizhenie v Rossii v kontse 2011* [Protest movement in Russia at the end of 2011]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2012/11/18/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg-2012/>
7. The Center for the Study of Civil Society and the Non-Profit Sector of the Higher School of Economics. (2020) *Opros Tsentra issledovaniya grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora NIU VShE "Rossiyan v usloviyakh pandemii: ot krizisa i trevogi k nastroyeniym "mirnogo vremeni"* [Survey by the Center for the Study of Civil Society and the Non-Profit Sector of the Higher School of Economics "Russians in a Pandemic: from Crisis and Anxiety to Moods of a "Peaceful Time"']. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/news/expertise/399724982.html>
8. Zahariadis, N. (2016) Setting the agenda on agenda setting: definitions, concepts and controversies. In: Zahariadis, N. (ed.) *Handbook of Public Policy Agenda Setting*. Department of International Studies, Rhodes College, USA, Handbook of research on Public Policy, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2016. pp. 1–24.
9. Silke, A. & Kreisi, H. (2007) The Network Approach. In: Sabatier, P.A. (ed.) *Theories of the Policy Process*. 2nd ed. Boulder: Westview Press. pp. 129–154.
10. Ibarra, P.R. & Kitsuse, J.I. (2003) Claims-making discourse and vernacular resources. In: Miller, G. & Holstein, J.A. (eds) *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*. Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter. pp. 17–50.
11. Raspopova, S.S. & Bogdan, E.N. (2018) *Feykovye novosti* [Fake news]. Moscow: Aspekt press.
12. Holmes, S. (2003) What Russia teaches us now: How weak states threaten freedom. In: Suny, R.G. (ed.) *The structure of the Soviet Union. Essays and documents*. New York; Oxford: Oxford University Press. pp. 564–573.
13. Kazhdan, A.P. (2006) *Vizantiyskaya kul'tura* [Byzantine culture]. St. Petersburg: Aleteyya.
14. Petukhov, V.V. (2020) The Request for Change: Political and Value Dimension. *Polis – Polis. Political Studies*. 6. pp. 103–118. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.06.08
15. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [The Liquid Modernity]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
16. Yanitskiy, O. (2003) *Sotsiologiya riska* [Sociology of Risk]. Moscow: RAGS.
17. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the Way to Another Modernity]. Translated from German. Moscow: Progress-traditsiya.
18. Glebova, I.I. (2006) *Ranniy postsovetizm v politiko-istoricheskom kontekste* [Early post-Sovietism in a political and historical context]. Moscow: INION.
19. Oleskin, A.V. (2001) *Biopolitika* [Biopolitics]. Moscow: MSU.
20. Alekseenkova, E.S. (2006–2007) O kognitivnoy prirode vlasti (ili o tom, kak sootnosyatsya vlast' i demokratiya) [On the cognitive nature of power (or how power and democracy are related)]. *Politiya – Politeia*. 4(43). pp. 6–21.
21. Bocharov, V.V. (2011) Russian power in politico-anthropological perspective. *Polis. Politicheskoe issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 92–103. (In Russian).
22. Petukhov, V.V. (2018) Dynamics of the Social Attitudes of the Russia's Citizens and Making of a Public Demand for Change. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 11. pp. 40–53. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250002784-5
23. Yudina, E.N. & Alekseenko, I.V. (2020) Solidarnost' v sotsial'nykh setyakh [Solidarity in social networks]. *Kommunikologiya*. 8(1). pp. 114–127.
24. Sautkina, V.A. (2019) Public Request for Solidarity: Historical Retrospective and Modern Reality. *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk – South-Russian Journal of Social Sciences*. 20(2). pp. 70–85. (In Russian). DOI: 10.31429/26190567-20-2-70-85
25. Levada, Yu. (2011) *Ot mneniy k ponimaniyu (sotsiologicheskie ocherki 1993–2000gg.)* [From Opinions to Understanding (sociological essays 1993–2000)]. Moscow: Izdatel' Karpov.
26. Frank, S.L. (1996) *Russkoe mirovozzrenie* [Russian worldview]. St. Petersburg: Nauka.
27. Selezneva, A.V. (2017) Tsennostnye osnovaniya natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti [Value foundations of national-state identity]. *Vestnik Rossiyskoy natsii – Bulletin of Russian Nation*. 4. pp. 82–94.
28. Ilin, I.A. (1962) *Put' dukhovnogo obnoveniya* [The path of spiritual renewal]. Munich: [s.n.].
29. Pivovarov, Yu.S. (2006) *Russkaya politika v ee istoricheskom i kul'turnom otnošeniyakh* [Russian politics in its historical and cultural relations]. Moscow: ROSSPEN.
30. Ledeneva, A.V. (2013) *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge University Press.